

ОТЗЫВ
официального оппонента на диссертацию
священника Владислава Малышева
«Духовное сословие в церковно-общественной публицистике
в период Великих реформ»,
представленную на соискание ученой степени кандидата богословия

Диссертационное исследование священника Владислава Малышева посвящено достаточно хорошо изученной, но по-прежнему важной для понимания истоков русской истории второй половины 19 – начала 20 в. теме. Это русское духовенство, получившее, как показал еще в своей известной монографии С. В. Римский, мощный толчок к дальнейшему развитию в результате церковных преобразований эпохи Великих реформ. Духовное сословие – неотъемлемая составляющая русской культуры, во многом определяющая ее специфику. Именно поэтому можно утверждать, что своеобразный импульс в результате церковных преобразований эпохи Великих реформ получила вся русская культура, достаточно вспомнить, какое развитие получила, например, наука в результате массового притока в университеты семинаристов.

Автор диссертации прекрасно видит свою задачу: показать, как церковная публицистика решала выпавшую на ее долю историческую задачу – помочь Церкви и духовенству найти ответы на те вопросы к государственной и церковной власти, которые во множестве накопились к концу царствования императора Николая I. Это и материальное положение духовенства, и его социально-правовой статус, и проблемы духовного образования и воспитания, наконец, это и конфликты между «белым» и «черным» духовенством. До начала царствования императора Александра II, как справедливо указывает диссертант, обсуждение этих вопросов в публичной сфере было абсолютно немыслимо (Диссертация. С. 4).

Теперь мне хотелось бы кратко охарактеризовать отдельные разделы работы, в первую очередь, ее постановочную часть. Начну с раздела «Степень научной разработанности проблемы». Хочу напомнить уважаемому диссертанту, что в своей работе он должен продемонстрировать глубокое и полноценное знакомство с литературой предмета. Именно в этом разделе диссертант должен осуществить содержательный аналитический обзор всего, что было сделано в данной теме до него. Но вместо такого знакомства свящ. В. Малышев почему-то подробно останавливается только на диссертации А. В. Наместникова. Диссертанту хорошо известны фундаментальные работы С. В. Римского, Г. Фриза, Т. Г. Леонтьевой, но в данном разделе работы их характеристика отсутствует. При этом очевидно, что указанные авторы в своих исследованиях затрагивали очень близкие к теме представленной диссертации сюжеты. Конечно, С. В. Римский или Г. Фриз изучали не только и не столько церковную публицистику. Но в их книгах ей уделено достаточно места и внимания. Игнорировать этот факт в диссертационном исследовании кажется крайне нелогичным. Впрочем, в разделе «Эмпирическая основа исследования» свящ. В. Малышев частично компенсирует этот недостаток, упоминая некоторые важные исследования.

Далее, вызывает некоторое недоумение *цель* диссертации: «Основной целью исследования является способствовать извлечению наиболее объективной информации о положении духовного сословия из ряда субъективных мнений церковных публицистов. Второстепенной целью можно считать стремление доказать важность церковно-общественной публицистики как исторического источника в контексте изучения истории Российской империи и Русской Православной Церкви второй половины XIX в.» (Диссертация. С. 10). В таком виде приведенные формулировки вызывают много вопросов, ибо «важность церковно-общественной публицистики как исторического источника» можно считать давно доказанной, а «извлечение наиболее объективной информации» - это

задача любого исторического исследования, так что это либо общие слова, либо автор работы имеет в виду что-то более конкретное. Эта путаница целей рождает и некоторую путаницу задач, к тому же их, как мне кажется, слишком много для кандидатского исследования – целых восемь, причем не всегда понятно, как эти задачи соотносятся между собой (чем принципиально, например, первая отличается от седьмой).

Подобное же замечание можно сделать и о разделе «Источниковая база исследования», который, впрочем, почему-то в работе отсутствует. Автор диссертации говорит об источниках в разных местах работы, причем иногда по поводу его замечаний на эту тему возникают недоумения, например, утверждение, что к источникам исследования можно отнести «дореволюционные и современные энциклопедии и биографические исследования», в частности, энциклопедический словарь Брокгауза-Эфрана, «Русский биографический словарь» и даже Православную энциклопедию (?) (Диссертация. С. 21). При этом обзор архивный материалов сделан небрежно. Фактически можно сказать, что источники исследования не классифицированы должным образом, что является существенным недостатком работы.

В целом, я хотел бы заметить, что у меня вызывает возражения архитектоника работы. Если диссертация посвящена церковной публицистике в целом, то почему в ней такое большое место занимает анализ брошюр свящ. И. Беллюстина проф. Д. Ростилавова и совсем отсутствует материалы важных церковных периодических изданий, например, «Православного обозрения», в котором печатались замечательные и очень актуальные статьи многих авторов (в первую очередь я бы назвал прот. А. М. Иванцова – Платонова) или «Православный собеседник» (КАзДА)? Если диссидентом в работе сознательно использованы только издания СПбДА, то это нужно было обязательно оговорить специально.

В результате складывается впечатление, что объект исследования двоится или даже троится. В самом деле, не всегда понятно, какой же проблеме в первую очередь посвящена работа: месту церковной журналистики в жизни Русской Церкви, проблемам духовного сословия или, наконец, анализу жизни и творчества свящ. И. Беллюстина?

По поводу метода исследования. Я бы сказал, что он представляется мне несколько прямолинейным. В работе слишком много пересказа текстов. Схема исследования простая: сначала по тем или иным вопросам излагаются мнения свящ. И. Беллюстина, Д. Ростиславова, А. Розанова и некоторых других авторов, а затем их опровержение тоже по стандартному списку, то есть в основном, у Н. Елагина, А. Муравьева и проч. Для полноценного анализа и объемного видения проблем церковной жизни этого слишком мало.

И еще одно замечание методологического характера. Автор диссертации утверждает, что «церковно-общественная публицистика как исторический источник не может быть использована исследователем наравне с законодательными актами, официальными заявлениями, статистическими данными и пр., на которые зачастую можно ссылаться без предварительного критического анализа» (Диссертация. С. 236). Что здесь имеется в виду? То, что публицистика в исторических исследованиях не имеет столь же высокого статуса достоверности, как официальные источники, давно и хорошо известно. Но нужно понимать, что и на «статистические данные» ссылать без «предварительного критического анализа» (то есть ответа на вопрос, как и зачем проводилось статистическое исследование и т.д.) тоже всегда рискованно.

Общие замечания по поводу источников исследования. Объем обработанной автором диссертации архивной информации не может не вызвать чувство удовлетворения. Вообще, работа с источниками исследования – это сильная сторона диссертации. Причем не только работа

с архивными источниками, но и тщательно проделанный анализ материалов периодической печати.

По поводу содержания основной части диссертации. Структура диссертационного исследования свидетельствует о его многогранности, многоаспектности, стремлении автора с разных, взаимодополнительных сторон осмыслить очень непростые проблемы русской церковной жизни.

По поводу 1 главы исследования. Она посвящена общему обзору состояния церковно-государственных отношений в канун Великих реформ (кстати, я бы порекомендовал автору диссертации определиться с тем, как он использует это словосочетание – с кавычками или без), а также обсуждению этого вопроса в периодической печати. В целом, общая характеристика исторических особенностей эпохи, сделанная автором, у меня не вызывает серьезных возражений. Но мне до конца не понятна позиция автора диссертации в вопросе о характере церковно-государственных отношений в первой половине 19 в. В России, изложенная в общих чертах в п. 1. 1. Эта позиция представляется противоречивой. Почему, например, диссертант считает, что император Николай I изъявлял «свою волю по любым вопросам церковной жизни» (Диссертация. С. 30)? В такой категоричной форме это утверждение не соответствует действительности. Удивительно, впрочем, что свящ. В. Малышев, похоже, признает такое положение дел вполне нормальным, ибо «имп. Николай I считал более чем естественным не только следить за церковными делами, но активно руководить ими во благо русского самодержавия» (Диссертация. С. 31). Не хочу возобновлять одну из самых известных в церковно-исторической науке дискуссий по поводу синодального периода, но считаю, что руководить мирянину церковными делами – значит, вступать в полное противоречие с церковными канонами. Впрочем, несколько дальше автор диссертации указывает, что все-таки существовали такие области церковной жизни, вмешательство в которые было недопустимо (Диссертация. С. 34).

В п. 1. 2. очень живо и интересно изложена биография священника Иоанна Белюстина, одного из инициаторов обсуждения в печати вопроса о положении белого духовенства в России. Этот раздел диссертации содержит много новых и важных фактов, позволяющих существенно уточнить те или иные аспекты темы. В то же время хочу заметить, что принцип периодизации церковно-общественной публицистики, выбранный автором диссертации, кажется мне странным: «Данная периодизация основана не на исторических событиях XIX в., которые провоцировали появление тех или иных изданий, а на публикационной активности рассматриваемых нами публицистов» (Диссертация. С. 104-105). Замечу, что периодизация в историческом исследовании не может быть основана «не на исторических событиях», а на «активности» определенной группы авторов, тем более что, как я указывал уже выше, круг этих авторов представляется мне существенно суженным.

Вторая глава исследования в целом посвящена быту и нравственности духовенства. В этой части работы также содержится много ценной информации. Правда, лично у меня вызывает сожаление тот факт, что автор диссертации, к сожалению, ограничил фокус своего исследования проблемами, которые мы могли бы назвать внутрицерковными (быт и материальное положение духовенства, духовное образование, монашество). Но ведь одной из самых значительных проблем русской жизни 1850 – 1870-х годов был вопрос о месте и роли Церкви в русской жизни. Причем вопрос этот нашел свое отражение в публицистике, в достаточной полноте. Достаточно упомянуть знаменитый спор прот. А. Иванцова-Платонова с В. Аскоченским, «боевые» статьи И. С. Аксакова, а также многое другое. Представляется, что без учета этого фактора выводы автора диссертации будут обречены на значительную историческую aberrацию. Правда, в одном из примечаний автор диссертации делает следующую оговорку: «Подробный анализ периодических изданий второй половины XIX в., в которых так или иначе рассматривались вопросы быта

духовенства и положения Русской Православной Церкви в обществе и государстве, невозможен в рамках данного исследования по причине большого объема опубликованного ими материала. Тема «Обсуждение церковно-общественных вопросов в периодической печати второй половины XIX в.» достойна отдельного подробного исследования» (Диссертация. С. 110. Сноска 323). С этим я согласиться никак не могу: вопрос о материальном обеспечении духовенства и духовном образовании был очень тесно связан с положением Церкви в обществе и государстве, игнорировать это обстоятельство мне представляется неправильным.

Третья глава содержит в себе критику одностороннего использования в исторических исследованиях церковно-общественной публицистики. Автор диссертации указывает, что «публицистика, помимо последовательного изложения волнующих общественность проблем, изобилует эмоциями, предположениями, оскорбленийми, преувеличениями и даже фальсификацией фактов» (Диссертация. С. 244). И далее: «исследователь не должен чрезмерно доверять ссылкам авторов на личный опыт или голословному восхвалению неназванных достоверных источников. Кроме того, полезно будет также подвергнуть сомнению и мотив написания статьи или брошюры, даже в случае, если автор для придания своим словам большей убедительности использует цитаты из Священного Писания» (Диссертация. С. 245). Такие рекомендации были бы полезны студентам первого курса семинарии, но не гипотетическим читателям кандидатской диссертации. Изучение биографии автора того или иного сочинения важно не только тогда, когда мы имеем дело с церковной публицистикой, а чрезмерное доверие в исторической науке любому источнику всегда чревато серьезными ошибками.

У меня есть ряд замечаний к формулировке выводов работы, выносимых на защиту. Эти выводы носят неконкретный характер, их связь с содержанием диссертации непонятна. Ведь и так ясно, что любые материалы, мнения и критические суждения всегда «необходимо

анализировать исключительно в контексте исторических событий, учитывая наличие противоположных мнений и особенности биографий каждого из авторов» (Диссертация. С. 24). Вывод 3 сформулирован очень неясно.

Выше мной уже был сделан ряд замечаний, носящих структурно-системный характер. Но есть и более частные моменты.

Например, что означает следующая фраза: « Церковно-общественная публицистика, ровно также как и церковно-публицистическая полемика вокруг критических трудов свящ. И.С. Белюстина и Д.И. Ростиславова может рассматриваться и повергаться анализу исключительно как целостная система взглядов в контексте исторических событий как в империи, так и в личной жизни каждого публициста» (Диссертация. С. 262). И далее на этой же странице: « Тем не менее, даже отсутствие опровергающих критические суждения тезисов не может быть воспринято как косвенное доказательство объективности критики свящ. И.С. Белюстина и Д.И. Ростиславова» (там же). Что же тогда может служить прямым или косвенным доказательством объективности этой критики?

Утверждение, что до реформы духовных учебных заведений 1860-х годов семинарии и духовные училища находились в удручающем материальном, интеллектуальном и духовно-нравственном состоянии (Диссертация. С. 42), представляется мне слишком сильным. Если это действительно так, то откуда уже в первой половине 19 в. в Русской Церкви появились выдающиеся ученые и публицисты, способные осуществить критическую рефлексию церковной жизни? И почему тогда не признать совершенно адекватной критику церковного образования, содержащуюся в брошюрах свящ. И. Белюстина и проф. Д. Ростиславлева?

В заключении отзыва я должен еще раз подчеркнуть, что мои замечания в первую очередь относятся к структуре и методологии исследования. Трудно отрицать тот конкретный и очень ценный вклад, который представленная диссертация вносит в отечественную церковно-

историческую науку. Этот вклад в первую очередь связан с анализом внутрицерковных проблем, вызвавших реформы в церковной жизни в 1860-70-е годы, существенно повлиявшие в целом на русскую жизнь и культуру.

Автореферат диссертации строго соответствует диссертации и полно, всесторонне раскрывает ее проблематику и композицию.

Таким образом, я как официальный оппонент могу с полным основанием завершить свой отзыв заключением, что диссертационное исследование «**Духовное сословие в церковно-общественной публицистике в период Великих реформ**», в полной мере соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям по богословской и церковно-исторической тематике, а автор диссертации, свящ. В. Малышев, несомненно, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата богословия.

Прот. Г. Орех

Протоиерей Георгий Ореханов,
доктор церковной истории, доктор исторических наук,
профессор кафедры общей и русской церковной истории
и канонического права Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета.

Подпись <u>прот. Георгия Ореханова</u> (Ф.И.О.)	заверяю
Начальник отдела кадров <u>Зайцева</u>	Н.В. Зайцева